

RU

Проявление крайности в русской лингвокультуре:
аналитический обзор

Клюшина А. М.

Аннотация. Настоящая статья представляет собой обзор и анализ российских и зарубежных исследований, описывающих проявление категории крайности в русской лингвокультуре. Цель исследования - получить подробный экскурс в историю описания проявления крайности в русской лингвокультуре. Научная новизна заключается в том, что изучение, обзор и анализ отечественных и зарубежных работ, посвященных проявлению крайности в русском национальном характере, дополняют цикл научных работ автора по проблемам бытования функционально-семантической категории крайности в русском языке. В результате доказано, что функционально-семантическая категория крайности является значимой для русской лингвокультуры; категория крайности отражает одну из черт русского национального характера.

EN

Manifestation of the Extreme in Russian Linguoculture:
An Analytical Review

Klyushina A. M.

Abstract. The paper presents a review and analysis of Russian and foreign studies describing manifestation of the category of the extreme in Russian linguoculture. The research aims to provide a detailed insight into the history of how manifestation of the extreme is described in Russian linguoculture. Scientific novelty lies in the fact that the study, review and analysis of Russian and foreign works on manifestation of the extreme in the Russian national character complement the author's cycle of academic papers on the issues of the functional-semantic category of the extreme in the Russian language. As a result, it has been proved that the functional-semantic category of the extreme is significant for Russian linguoculture; the category of the extreme reflects one of the features of the Russian national character.

Введение

Настоящая работа впервые в лингвистической русистике характеризует специфику бытования крайности в русской лингвокультуре. Актуальность работы видится в необходимости изучения существующих научных работ о проблеме проявления крайности в русском национальном характере, что необходимо для адекватного понимания современного состояния исследуемой категории в лингвистической русистике; кроме того, такой экскурс в историю позволит адекватнее определить особенности употребления языковых средств для передачи значения крайности в русском языке.

Данное исследование выполнено в русле изучения проблемы бытования функционально-семантического подхода в лингвистике (Клюшина, 2020b); особенностей употребления конститuentов функционально-семантической категории крайности (Клюшина, Брагина, 2019; Клюшина, 2020a; 2020c; 2020d; 2021a; 2021b; 2021c; 2021d; 2021e; 2021f; 2021g; Ivanyan, Klyushina, 2021a; 2021b).

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, охарактеризовать специфику бытования крайности в русской лингвокультуре; во-вторых, раскрыть точку зрения разных ученых на особенности проявления крайности в русском национальном характере; в-третьих, соотнести проблему выражения крайности с русской ментальностью и лингвокультурой; а также обозначить перспективы дальнейшего исследования.

Для осмысления эволюции научных взглядов на проблему бытования крайности в русской лингвокультуре в статье применяются следующие методы исследования: изучение и анализ научной литературы по теме исследования; анализ, синтез и обобщение деятельности российских и зарубежных ученых.

Теоретическую базу исследования составили публикации российских и зарубежных ученых, среди которых мы можем выделить следующие группы:

- философы (В. В. Аксюциц (2007; 2010), С. Н. Булгаков (Bulgakov, 1912), И. А. Ильин (1934), Н. О. Лосский (1957), М. О. Мнацаканян (2006), Н. С. Розов (2011), В. М. Соколов (2019));
- филологи и культурологи (М. Бэринг (2018; Baring, 1914), Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев (2005; Левонтина, 2005; Шмелев, 2001); Д. С. Лихачев (1990; 2000; 2015));
- историки (А. П. Афанасьев (2013), Ю. П. Денисов (1996), В. Шубарт (2000; Schubart, 1938));
- социологи (В. В. Кочетков (2001), А. Н. Малинкин (2001));
- психологи (А. В. Юревич (2003)).

Практическая значимость работы заключается в том, что проведенное исследование может быть учтено и использовано лингвистами, изучающими лингвокультурологические аспекты; может быть применено в практике преподавания дисциплин «Современный русский литературный язык» (разделы «Лексическая семантика», «Функциональная лингвистика»), «Введение в языкознание», «Общее языкознание», «Филологический анализ текста», а также дисциплин по выбору, посвященных функциональной грамматике русского языка.

Основная часть

В лингвистической русистике не существует специального исследования функционально-семантической категории крайности. О ней лишь попутно говорится в монографии Е. П. Иванян (2015, с. 222) и в работах последователей научной школы ученого (Бровкина, 2009, с. 19-20; Горшкова, 2005, с. 90), выполненных в рамках изучения неопределенных местоимений.

Иностранцы приписывают русской ментальности черту стремиться к крайности в поведении, силе чувств, иногда экспрессии выражения. Приведем подтверждающие цитаты.

Английский лингвист и военный журналист М. Бэринг (Baring, 1914) описывает Россию и русский народ в книге “The Mainsprings of Russia” в 1914 году, обращая внимание на климатические, географические, исторические, политические особенности России. В 2018 году издательство «Весь мир» опубликовало перевод этой книги на русский язык. Описывая историю России, устройство российского общества, М. Бэринг (2018) отрицательными красками рисует увиденное: «...страна **крайностей**... и экстравагантного потворства самому себе; народ без держания себя в руках и самодисциплины...» (с. 245).

Немецкий историк и филолог В. Шубарт (Schubart, 1938) в книге “Europa und die Seele des Ostens” отмечает, что проявление крайности является характерной чертой русского национального характера: «В чисто русской манере, доводить любое начинание до **крайности**...» (Шубарт, 2000, с. 40). По мнению ученого, русским не свойственна «срединность»: «У русского нет амортизирующей, средней части, соединяющего звена между двумя **крайностями**. В русском человеке – контрасты – один к другому впритык, и их жесткое трение растирает душу до ран» (Шубарт, 2000, с. 84). В. Шубарт перечисляет такие «крайности» русской души, как грубость и нежность сердца, жестокость и сентиментальность, чувственность и аскеза, греховность и святость.

Примечательно, что и сами носители русского языка приписывают «русскому характеру», русской ментальности ориентацию на крайность. Приведем подтверждающие цитаты из работ российских ученых в разнообразных сферах (высказывания расположим в хронологическом порядке). Для начала приведем примеры из работ русских философов, социологов и психологов.

Русский философ и богослов С. Н. Булгаков (Bulgakov, 1912) статью “The Russian Public and Religion” начинает словами: «Россия – страна **крайностей** и противоречий» (с. 11). Крайности истории и общественного порядка С. Н. Булгаков связывает с особенностями славянской расы и русского темперамента.

Российский философ, писатель и публицист И. А. Ильин (1934) описывает широкие просторы русской земли и всё природное многообразие, считая, что именно это повлияло на становление русского национального характера: «Нам открылся весь размах страстей и все **крайности** верха и низа...».

Русский религиозный философ Н. О. Лосский (1957), проживая в Америке, написал книгу «Характер русского народа». Ученый размышляет о нравственно-психологических особенностях русского человека и о том, как эти особенности влияют на историческую судьбу России: «Большевистская революция есть яркое подтверждение того, до каких **крайностей** могут прийти русские люди в своем смелом искании новых форм жизни и безжалостном истреблении ценностей прошлого» (с. 151).

Доктор социологических наук В. В. Кочетков в книге «Психология межкультурных различий» описывает проблемы межкультурных различий и, в частности, русского национального характера. В результате исследований и анализа литературных источников В. В. Кочетков (2001) выделяет разнообразные особенности русского менталитета, к которым относит и крайность: «**Крайности** и противоречия – русским присущи крайняя холодность и теплосердечность, лень и вспышки энергии» (с. 91). Ученый отмечает особенности становления разнообразных межличностных отношений: «Индивидуально-личностные отношения преобладают над формальными, аффилиативная мотивация – над достиженческой, отмечаются пессимизм, склонность к **крайностям** и противоречиям» (с. 384). Кроме того, В. В. Кочетков перечисляет те черты, которые считает проявлением крайности: «Менталитет русского характеризуют **крайности** и противоречия. Русским присущи крайняя холодность и теплосердечность, лень и вспышки энергии» (с. 348). Ученый сравнивает русский национальный характер с другими; отмечает разницу, которая основывается на проявлении пунктуальности,

педантичности, размеренности, склонности к установлению порядка и ограничения в немецком национальном характере, и крайности – в менталитете русского человека: «...у русских эта подгруппа – вторая по величине, отражает такие особенности русского характера, как стремление к **крайностям**, склонность всё доводить до крайней степени выраженности» (с. 167). Предлагая перспективы будущего развития России, В. В. Кочетков пишет: «История показывает, что одна **крайность** – униженность – быстро сменяется другой – насилием, бунтом» (с. 388). Проявление крайности, по мнению ученого, считается психологической особенностью русского человека.

Современный социолог А. Н. Малинкин (2001), кандидат философских наук, в статье «“Новая российская идентичность”: исследование по социологии знания» пишет: «Историческое развитие через взрыв и скачок, шагах из **крайности** в **крайность** – характерная для России особенность цивилизационного процесса» (с. 79).

Доктор психологических наук А. В. Юревич (2003) в статье «Социально-психологические особенности российского научного мышления» описывает специфичный российский менталитет, условия российской жизни и другие уникальные особенности России, что, по мнению ученого, породило своеобразные психологические предпосылки. О проявлении крайности в русском национальном характере ученый пишет: «...трудно найти другой народ, который так же легко переходил бы из **крайности** в **крайность**, как русские, живущие по “закону маятника”». Ученый называет психологическим неврозом свойство русского народа бросаться из крайности в крайность: «...легкость перехода из **крайности** в **крайность** в сочетании с крайне эмоциональным отношением к каждой из них характеризуется как невроз». А. В. Юревич рассуждает о влиянии проявления крайности на научное знание: «Вследствие другой нашей национальной традиции – переходить из **крайности** в **крайность** – российская гуманитарная наука сейчас куда более скована позитивистской парадигмой».

Доктор философских наук М. О. Мнацаканян (2006) в статье «Парадоксальный человек в парадоксальном обществе» отмечает крайность как характерную черту менталитета современного русского человека: «Парадоксальность, **крайности** и сегодня являются важной, если не главной, характеристикой и особенностью общественной жизни России» (с. 16). По мнению ученого, Россия – ведущая страна мира с богатыми природными ресурсами, но в ней проживает достаточно бедный народ.

Российский философ, богослов, публицист, политик В. В. Аксюциц (2007) в интернет-журнале Сретенского монастыря пишет об антиномичности безудержного русского темперамента: «Русским свойственно бросаться из одних **крайностей** в другие: от покорности к бунту, от пассивности к сверхнапряжению, от обыденности к героизму, от созидания к разрушению, от бережливости к расточительству...». Исследователь отмечает роль религии при формировании русского национального характера: «...отсутствие серединной сбалансированности вбрасывает русского человека в **крайности** всякий раз, когда рушится зыбкий жизненный космос». Описывая связь истории и культуры русского народа, В. В. Аксюциц пишет: «До 1917 года здесь носителем культуры было не среднее сословие – его в России не было, – а... тонкий верхний слой; основной же душевный настрой определялся не умеренностью, а стремлением к **крайностям**, к концу». Комментируя такую характерную черту русского народа, как кидание из одной крайности в другую, автор отмечает, что «маятник» русского народа проявляется, когда активность сменяется бездействием, а сверхнапряжение – демобилизацией. Именно так проявляется механизм выживания: «Болезненные **крайности** приобретались в трагическом пути и мучительно изживались, не столько сочетаясь, сколько чередуясь».

В 2010 году В. В. Аксюциц опубликовал цикл статей, в котором приводит взгляды Н. А. Бердяева, И. А. Ильина, Ф. М. Достоевского, А. В. Гулыги и др. на проявления противоречий в характере русского человека, цитирует различных ученых, подкрепляет доводы комментариями. О крайности в русском национальном характере В. В. Аксюциц (2010) пишет: «Проявляя присущую ему свободу духа, русский человек совершал невиданные исторические деяния; **крайностью** свободы была анархия, которая вытеснялась на периферию жизни, иначе народ не сохранился бы». В. В. Аксюциц называет различные черты русского национального характера, которые, по мнению ученого, сформировались под воздействием истории русского народа и экстремальных условий выживания русского человека на бескрайних просторах русской земли.

Доктор философских наук Н. С. Розов (2011) в статье «Российский менталитет: наиболее конструктивные концепции и их критика», опубликованной в журнале «Мир России», перечисляет особенности русского национального характера, выделяя склонность к крайностям как одну из слабых черт русского народа, называя также такие: «...разобщенность, низкая самодисциплина и неспособность к самоорганизации... правовой нигилизм, патернализм и подданническая культура, максимализм и метания от **крайности** к **крайности**».

Доктор философских наук, профессор В. М. Соколов (2019), отмечая некоторую противоречивость и поляризованность русского человека, пишет: «Эти противоположности, **крайности** проявляются по закону маятника: от высшей точки какой-либо черты до высшей точки ее антипода». По мнению ученого, проявление крайности является характерной чертой русского народа: «Вообще **крайность**, отсутствие меры – существенная характеристика российского менталитета».

Немало интересных высказываний о проявлении семантики крайности в русской лингвокультуре можно найти в работах российских историков.

Так, известный историк XIX века А. П. Афанасьев в книге «Смысл и предназначение России» размышляет о «сущности русскости» как о цельной и уникальной оценке феномена российской государственности. Исходя из того, что так называемая русскость, сформированная и заложенная в русском народе еще со времен Киевской Руси, представляет цельное, органичное и уникальное явление, в книге анализируется комплекс

характерных черт русского народа, делающих его отличным от других народов мира. А. П. Афанасьев (2013) считает, что для современного русского человека вполне характерно проявление крайности, что выражается в существовании таких русских типажей, как «простаки» и «темнила»: «Достаточно войти на любой интернетовский форум при обсуждении наиболее значимых российских и зарубежных проблем, и сразу сталкиваясь с этими двумя **крайностями** российской дури» (с. 62). По мнению ученого, эти крайности в какой-то мере уравнивают друг друга, но бывает, что они активизируются настолько, что вытесняют «элементы разумности и здравомыслия» из менталитета русского человека: «...русский народ в самом себе обе эти **крайности** дурости удерживает железной рукой, неизменно исповедуя принцип золотой середины» (с. 62). Ученый рассуждает о корректности анализа характера русского человека, проведенного ранее Н. А. Бердяевым, и критикует его за отсутствие системности при описании качеств русского характера: «Философ берет в сопоставлении исключительно грубо и наугад выдернутые **крайности** русского характера и дает их в увлекательной статике» (с. 29). В книге исследуются реалии многонационального Российского государства, носящего на себе отпечаток русскости и сохраняющего самобытные черты своего исторического развития. Про российские западничество и славянофильство ученый пишет, что они «всегда были... лишь политически ангажированными отдельными течениями русской мысли, представлявшими и представляющими ныне две полярные **крайности** в большом массиве русской интеллигенции» (с. 73). А. П. Афанасьев утверждает, что выступления демократов на Болотной и других площадях Москвы – это «**крайность**, спровоцированная беспомощностью государственных органов и государственного закона перед алчностью и цинизмом радикал-либеральной российской элиты» (с. 166). Кроме того, историк рассуждает о влиянии религии на становление и развитие исследуемой нами характерной черты русского менталитета – крайности. Ученый обращается к образу библейского страдальца Иова, «который выпавшими ему жизненными испытаниями был доведен до **крайности** – вплоть до проклятия дня своего, но затем раскаялся в своей слабости и получил Божье благословение» (с. 90). Интересным представляется указание на проявления крайности при описании персонажей и действий в сказке А. Н. Афанасьева «Батрак». По мнению ученого, «купец и батрак потому и безмянны, что олицетворяют собой две социальные **крайности**» (с. 244). А. П. Афанасьев находит проявление крайностей в том, что, с одной стороны, видится бесчеловечное богатство, направленное на достижение абсолютной власти над зависимым от него человеком; с другой стороны, в нещадно эксплуатируемом человеке присутствует сконцентрированный мощный дух сопротивления, способный всё перетерпеть, но отплатить той же жестокой монетой.

Доктор исторических наук Ю. П. Денисов (1996) в статье «Почему россияне не приемлют золотой середины, или об умеренности в политике» характеризует нетерпимость в российской политике, рассуждает о перспективе политической толерантности, считает, что современным русским людям присущи нетерпимость, максимализм. Ученый пишет: «Я ничуть не преувеличиваю опасности **крайностей**, нигилизма разного рода» (с. 178). По его мнению, для того чтобы понять, что путь к торжеству умеренности в политической жизни России тернист, чтобы уяснить причины огромной нетерпимости в сознании и психологии россиян, необходимо обратиться к истории того, как эта нетерпимость возникла и расцвела. Поэтому Ю. П. Денисов (1996, с. 178-179) делает экскурс в историю, объясняя, откуда нетерпимость возникла. По мнению ученого, именно сталинизм наиболее рельефно в классической форме выразил психологию крайностей маргинальных слоев российского общества. Словесно статья очень оценочна, хотя насыщенность аксиологией и критикуется автором.

Особую значимость для нашего исследования представляют цитаты российских филологов и культурологов, в которых мы также находим подтверждение того, что крайность является характерной чертой русского национального характера.

Российский филолог, культуролог, искусствовед XX века Д. С. Лихачев (1990) в статье «О национальном характере русских», опубликованной в журнале «Вопросы философии», описывает проявление крайности как негативную черту характера русского человека: «Одна черта, замеченная давно, действительно составляет несчастье русских: это во всем доходить до **крайностей**, до пределов возможного» (с. 5). Пытаясь ответить на вопрос, что же ждет русского человека в будущем, ученый пишет: «Стремление русских во всем достигать последнего предела надо также развивать по преимуществу в духовной области» (с. 6). Д. С. Лихачев утверждает, что в России всегда будут герои духа, подвижники, отдающие себя на служение больным, детям, бедным, другим народам, святым. По мнению ученого, русский народ будет отличать безотчетное стремление отдавать всего себя какому-либо святому делу, что и так было свойственно русским во все времена и отвлекает русского от единомыслия, единодействия и единоподчинения. «Все эти “едино” не свойственны нам и ведут в сторону, к взрывам и выстрелам, к развитию преступности, которая есть не что иное, как теневой противовес стремлению русских во всем ударяться в **крайности**, стоять на краю опасности» (с. 6). Позже была опубликована работа Д. С. Лихачева (2000), в которой указано: «Русский народ – народ **крайностей** и быстрого и неожиданного перехода от одного к другому, а поэтому – народ непредсказуемой истории...» (с. 49).

В статье «Никакой особой миссии у России нет и не было» Д. С. Лихачев (2015) пишет, что «несчастье русских – в их легковерии и склонности к **крайностям**». В статье ученый подтверждает существующее мнение о проявлении крайности в русском национальном характере: «Совершенно правы те, кто говорит о склонности русских к **крайностям** во всем. Причины этого требуют особого разговора». Дальше Д. С. Лихачев перечисляет некоторые возможные причины: центристские позиции, легковерие русских, история русского народа и др.

Особый интерес для нашей работы представляет книга Анны А. Зализняк, И. Б. Левонтиной, А. Д. Шмелева (2005) «Ключевые идеи русской языковой картины мира». Доктор филологических наук, российский лингвист

А. Д. Шмелев (2001) связывает понятие «широта русской души» с проявлениями крайности в характере русского человека: «Однако выражение *широта души* может интерпретироваться и иначе, обозначая тягу к **крайностям**, к экстремальным проявлениям какого бы то ни было качества». Ученый подтверждает, что крайность является характерной чертой русского национального характера: «Эта тяга к **крайностям** (всё или ничего), максимализм, отсутствие ограничителей или сдерживающих тенденций часто признается одной из самых характерных черт, традиционно приписываемых русским». Автор отмечает, что исследуемое понятие стало своего рода клише в русском языке, но до сих пор смысл приобретает самый разнообразный. Современный лингвист А. Д. Шмелев (2005b), рассуждая о фразеологизме «широкая русская душа», пишет, что это выражение может интерпретироваться иначе, «обозначая тягу к **крайностям**, к экстремальным проявлениям какого бы то ни было качества» (с. 52). Описывая крайность как характерную черту русского менталитета, ученый пишет: «Эта тяга к **крайностям** (всё или ничего), максимализм, отсутствие ограничителей или сдерживающих тенденций часто признается одной из самых характерных черт, традиционно приписываемых русским» (с. 52). Подробно комментируя механизм влияния «широких русских пространств» на широту «национального характера», А. Д. Шмелев утверждает, что широта плоских равнин, низин и возвышенностей обретает устойчивый психомоторный эквивалент, своего рода аффект широты, в котором «располагаются определения русского характера: открытость, доброта, самопожертвование, удаль, склонность к **крайностям** и т.п.» (с. 54). А. Д. Шмелев уделяет внимание труднопереводимым русским словам, таким как *тоска*, *удаль*, *хохот*, для которых отсутствуют эквиваленты в других языках. Ученый пишет, что слова *смех* и *смеяться* присутствуют в разных языках, а слов *хохот* и *хохотать* в том же значении, что и в русском, нет в других языках. В этом ученый видит «пристрастие к **крайностям**, к крайним проявлениям – коли смех, так не просто смех, а хохот» (с. 58). При этом А. Д. Шмелев отмечает, что слова *хохот* и *хохотать* являются общеупотребительными русскими словами, обозначающими «здоровый смех», который не вызывает у говорящего неодобрения. Ученый утверждает, что *хохотать* отличается от *гоготать*, а также от таких слов, как, например, английское *guffaw* ‘гоготать, ржать’, которое иногда приводится в русско-английских словарях в качестве эквивалента слова *хохот*: «...глагол *guffaw* не является общеупотребительным словом и при этом включает оценочный компонент, указывающий на неодобрение такой “**крайности**”, как несдержанный громкий смех» (с. 58).

Описывая лексический состав русского языка как отражение «русской души», А. Д. Шмелев (2005a) считает, что писатели, философы, этнопсихологи, иностранные путешественники «отмечают такие черты русского национального характера, как тенденция к **крайностям** (“всё или ничего”), эмоциональность, ощущение непредсказуемости жизни и недостаточности логического и рационального подхода к ней...» (с. 25). По мнению ученого, специфика противопоставления *мира* и *воли* в русском языковом сознании особенно наглядно видна на фоне понятия *свободы*, вполне соответствующего общеевропейским представлениям: «Можно было бы сделать вывод, что указанное противопоставление отражает пресловутые “**крайности**” “русской души” – “всё или ничего”, или полная регламентированность, или беспредельная анархия» (с. 29).

Уделяя внимание еще одному важному классу слов, ярко отражающих специфику русской ментальности и соответствующих уникальным русским понятиям: *тоска* или *удаль* и некоторые другие, А. Д. Шмелев (2005a) пишет: «Переход от “сердечной тоски” к “разгулью удалому” – постоянная тема русского фольклора и русской литературы, и это тоже можно поставить в соответствие с “**крайностями**” русской души» (с. 31).

А. Д. Шмелев (2005a) анализирует дискурсное слово *заодно*, которое, по мнению ученого, используется в таких высказываниях, как «Ты всё равно идешь гулять, купи заодно хлеба». Ученый считает, что в подобных высказываниях слово *заодно* скрывает за собою сразу две установки, характерные для русского менталитета: «...во-первых, представление о том, что самое трудное в любом деле – это *собраться* его сделать, а во-вторых, тягу к **крайностям** – если уж человек *собрался* что-то сделать, то может *заодно* сделать многое другое» (с. 34).

И. Б. Левонтина (2005) анализирует слово *надрыв* и указывает, что оно вошло в русский язык легко и естественно, так как в высшей степени согласуется со стихией русского языка. По мнению ученого, в русской языковой картине мира отражены и представление о душе, и интерес к нутряным, душераздирающим чувствам: «...тоска и жалость, и повышенное внимание не к поступкам, а к побуждениям, и морализаторский пафос, и тяга к **крайностям**, и страсть к задушевному общению...» (с. 253).

Данные цитаты можно продолжить, они свидетельствуют о распространенности такого взгляда и косвенным образом указывают на актуальность нашего исследования и подтверждает его новизну.

Во всех приведенных выше цитатах употребление абстрактного существительного *крайность* выражает радикальный выход за норму описываемой ситуации, чрезвычайность; о лексикографическом портретировании лексемы *крайность* см. (Ключина, 2020a).

Заключение

Подводя итог, отметим, что крайность является значимой для русской лингвокультуры: как иностранцы приписывают русской ментальности черту стремиться к крайности в поведении, силе чувств, иногда экспрессии выражения, так и сами носители русского языка приписывают русскому национальному характеру ориентацию на крайность. Высказывания российских и зарубежных ученых подтверждают факт распространенности такого взгляда и косвенным образом указывают на соотношение проблемы выражения крайности с русской ментальностью и лингвокультурой.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в необходимости проведения специального исследования функционально-семантической категории крайности в русском языке, определении конститuentов этой категории и структурировании функционально-семантического поля семантики крайности с учетом полученных данных об особенностях проявления крайности в русской лингвокультуре.

Источники | References

1. Аксючиц В. В. Противоречия национального характера. Русская земля. Русский антиномизм. Бердяев о русской противоречивости. Характер нравственности. 2010. URL: <https://apn-nn.com/analytic/protivorechiya-natsionalnogo-kharaktera-russkaya-zemlya-russkiy-antinomizm-berdyayev-o-russkoy-protiv>
2. Аксючиц В. В. Русский характер. Статья 8. Русский антиномизм. 2007. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/071127100901.htm>
3. Афанасьев А. П. Смысл и предназначение России. М.: Звоница-МГ, 2013.
4. Бровкина И. В. Единицы неопределенной семантики в прозе А. Платонова: функциональный аспект: автореф. дисс. ... к. филол. н. Уфа, 2009.
5. Бэринг М. Что движет Россией / пер. с англ. М. Л. Коробочкина. М.: Весь мир, 2018.
6. Горшкова Л. А. Семантика и функции неопределенных местоимений в прозе Б. К. Зайцева: дисс. ... к. филол. н. Самара, 2005.
7. Денисов Ю. П. Почему россияне не приемлют золотой середины, или об умеренности в политике // Полис. Политические исследования. 1996. № 1.
8. Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005.
9. Иванян Е. П. Семантика умолчания и средства ее выражения в русском языке. М., 2015.
10. Ильин И. А. О России. Три речи. 1934. URL: <http://project03.ru/cod/ii.php#PART1>
11. Ключина А. М. Вербальная репрезентация функционально-семантической категории крайности в образе Дмитрия Карамазова // Русский язык и культура в зеркале перевода. 2021а. № 1.
12. Ключина А. М. Взаимодействие конститuentов семантики крайности в творчестве Ф. М. Достоевского (на материале романа «Бедные люди») // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: мат. II Междунар. науч. конф. (г. Воронеж, 21-23 апреля 2021 г.). Воронеж, 2021б.
13. Ключина А. М. Лексикографическое портретирование лексемы «крайность» // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020а. Т. 11. № 4.
14. Ключина А. М. О взаимодействии семантики крайности с семантикой уменьшительности в художественном пространстве произведений Ф. М. Достоевского // Семантика. Функционирование. Текст: межвуз. сб. науч. тр. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2021с.
15. Ключина А. М. О некоторых средствах выражения семантики крайности в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Libri Magistri. 2021d. № 2 (16).
16. Ключина А. М. О семантике крайности в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // С любовью к Слово: сб. ст. участников Всерос. с междунар. уч. науч. конф., приуроч. к 80-летию юбилею д. филол. н., проф. Людмилы Алексеевны Климковой, специалиста в области лексикологии, диалектологии, ономастики, словообразования (г. Арзамас, 9-10 февраля 2021 г.) / отв. ред. О. В. Никифорова. Арзамас, 2021е.
17. Ключина А. М. Особенности употребления лексемы «хоть» для передачи семантики крайности в произведении Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Лекантовские чтения - 2021: мат. Междунар. науч. конф. (г. Москва, 22 ноября 2021 г.) / отв. ред. Е. Н. Орехова. М., 2021f.
18. Ключина А. М. Проблема бытования функционально-семантического подхода в лингвистике: систематический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020b. Т. 13. Вып. 10.
19. Ключина А. М. Проявление семантики крайности в персонификации В. С. Высоцкого // Лекантовские чтения - 2020: мат. Междунар. науч. конф. (г. Москва, 20 ноября 2020 г.). М., 2020с.
20. Ключина А. М. Проявление семантики крайности в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Наследие Ф. М. Достоевского и современность: тезисы Междунар. науч. форума, посвящ. 200-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского (г. Гомель, 25-26 февраля 2021 г.) / отв. ред. И. Г. Гомонова; Гомельский. гос. ун-т им. Ф. Скорины. Гомель, 2021g.
21. Ключина А. М. Сочетание частиц для передачи семантики крайности в произведении А. Геласимова // Семантика. Функционирование. Текст: межвуз. сб. науч. тр. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2020d.
22. Ключина А. М., Брагина Ю. Д. Соотношение образности английских и русских фразеологизмов // European Scientific Conference: сб. ст. XV Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 7 мая 2019 г.). Пенза: Наука и просвещение, 2019.
23. Кочетков В. В. Психология межкультурных различий. М.: ПЕР СЭ, 2001.
24. Левонтина И. Б. «Достоевский надрыв» // Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005.
25. Лихачев Д. С. Никакой особой миссии у России нет и не было. 2015. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2014/12/24_a_6358085.shtml
26. Лихачев Д. С. О национальном характере русских // Вопросы философии. 1990. № 4.

27. Лихачев Д. С. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт // Лихачев Д. С. Русская культура. М.: Искусство, 2000.
28. Лосский Н. О. Характер русского народа. Посев. Франкфурт-на-Майне, 1957.
29. Малинкин А. Н. «Новая российская идентичность»: исследование по социологии знания // Социологический журнал. 2001. № 4.
30. Мнацаканян М. О. Парадоксальный человек в парадоксальном обществе // Социологические исследования. 2006. № 6.
31. Розов Н. С. Российский менталитет: наиболее конструктивные концепции и их критика // Мир России. 2011. № 1. URL: <https://nsu.ru/filf/rozov/publ/rus-mentality.htm>
32. Соколов В. М. Природа и сущность российской ментальности // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 2 (128). URL: <http://ethnosocium.ru/sokolov-v-m-priroda-i-sushchnost-rossiiskoi-mentalnosti>
33. Шмелев А. Д. Лексический состав русского языка как отражение «русской души» // Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005а.
34. Шмелев А. Д. Широта русской души. 2001. URL: http://www.lib.ru/CULTURE/SHMELEW_A/shirota.txt_with-big-pictures.html
35. Шмелев А. Д. Широта русской души // Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005б.
36. Шубарт В. Европа и душа Востока / пер. с нем. З. Г. Антипенко и М. В. Назарова. Изд-е 2-е, испр. М.: Русская идея, 2000.
37. Юревич А. В. Социально-психологические особенности российского научного мышления // Философия науки. 2003. Вып. 9. URL: <https://pst.iphras.ru/article/view/1868>
38. Baring M. The Mainsprings of Russia. L.: Thomas Nelson & Sons, 1914.
39. Bulgakov S. The Russian Public and Religion // The Russian Review. 1912. Vol. 1. Iss. 4.
40. Ivanyan E. P., Klyushina A. M. Interaction of Categories of Uncertainty and Extreme // Proceedings of the International Conference “Humanity in the Era of Uncertainty” (ICHEU-2021). Samara, 2021a.
41. Ivanyan E., Klyushina A. The Use of the Phraseological Units with the Semantics of Extreme in Russian Discourse // The Discoursal Use of Phraseological Units / ed. by E. Arsenteva. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2021b.
42. Schubart W. Europa und die Seele des Ostens. Luzern: Vita Nova Verlag, 1938.

Информация об авторах | Author information

Клюшина Алена Михайловна¹, к. филол. н., доц.

¹ Самарский государственный социально-педагогический университет

Klyushina Alena Mikhailovna¹, PhD

¹ Samara State University of Social Sciences and Education

¹ klyushina@pgsga.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 05.05.2022; опубликовано (published): 30.06.2022.

Ключевые слова (keywords): семантика крайности; функционально-семантическая категория крайности; русская лингвокультура; русский национальный характер; аналитический обзор; semantics of the extreme; functional-semantic category of the extreme; Russian linguoculture; Russian national character; analytical review.